

## **Дева-книга. Лирический роман; Из записок Горелова.**

Повесть.- Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. - 160 с.

Современная поэзия - явление авторское и, даже сутобо личностное. Массовые тиражи, впрочем, даже не читанные, далеко в прошлом, новые же, скромные, по художественным достоинствам порой совершенно непритязательные, или, наоборот, - творчески состоятельные, - малоизвестны и не востребованы читателем. Это, думается, к лучшему, время проверит меру таланта. Но существует и другая сторона этого явления - культурная, когда поэт представляет современный пласт местного культурного пространства, там, где он живёт, его духовный опыт гармонизации и постижения столь трудных вечных истин. Ведь поэзия - это музыка Слова в его первородном смысле, и звучит она для каждого по-своему, и мир расцвечивает каждому свой.

У Слова, в евангельском значении, есть некий сосуд его хранящий - Церковь, и, Книга, подчеркнуто женского рода и с большой буквы, или «Дева-Книга», - как назвал свой новый поэтический труд мышкинский поэт и прозаик Николай Васильевич Смирнов. Сам автор раскрывает название так Вот образ Девы-Книги:

Её стан напоминает иконную лилию,  
А фиолетовый хлад платья,  
Покрытого пурпурным плащом –  
Финифть и киноварь времён.  
В плетёнке мысленной заставки –  
Да! - ты мой темноокий сон,  
Дева-Книга!

В подзаголовке к нему дана очень уместная расшифровка, впрочем, напоминающая ребус-загадку: «Лирический роман с приложением баллады о самозванце-постановщике и поминовением по убитому поэту». Книга состоит из четырёх глав и повести. Часть произведений прежде публиковалась в виде отдельных изданий, как например, «Кладбищенская земляника», часть - отредактированных и дополненных новыми стихотворениями, перестроены автором в новые главы: «В марте, у Собора», «Твой Китеж», «Плач во тьме». Что их объединяет?

Главная тема книги - это глубокое философское исследование о поэтике женского (Богородичного) начала «Невесты ненавестной» как всеохватывающего, вечно влекущего пространства мироздания души, религиозности, культуры. Николай Васильевич, целиком погружает своего читателя в смыслы и значения образов, которые можно «прочитать» словно молитву и воспринять лишь в «книжном» культурном контексте. Это почти физическое ощущение присутствия Книги как своеобразного посредника или «светового оконца» между читателем и текстом, с её цветной привлекающе-таинственной обложкой, шуршанием листов и рядами каллиграфических строк и заставок, искусным, светящимся оформлением.

«Ты - моя Христа живая книга,  
Дивно изукрашен переплёт:  
Полулюди- полузвери - иго  
Крышек только инок разогнёт».

Этот, для современности, с её электронными книгами, мотив, кажется совершенной архаикой, на деле гораздо более убедителен своим точным

соответствием русскому духовному культурному коду, видимой и осязаемой прикладной, духовно-наглядной материальностью.

В каком-то смысле у новой книги Николая Васильевича ощущается прообраз или метаобраз, очень близкий к увлечению самого поэта - переплетному делу, их самодельному рукописному (скорписному) исполнению. Собственный поэтический и писательский труд Николай Васильевич изначально видит Книгой, даже средневековой по эстетике, в её художественно-рукописном виде, достаточно вспомнить его редкостную «книжную» выставку в «Опочининской библиотеке». Книга – это икона «финифть и киноварь времён». Это и синодик, в котором записывались имена людей для поминовения - «Имен усопших сладкогласье / Заставок алых вечный гул». Это и книга судьбы, в которой «по смуглой странице / Плынут кроваво-золотые слова», после которых «вспыхнув, огненной станет совесть».

Во второй части изданного сборника, повести «Из записок Горелова» читатель встретит развитие «книжной» темы, выстроенной из собственных биографических воспоминаний поэта и писателя, многих и многих мышкинских сюжетов, персонажей и пейзажа вполне узнаваемых. «Я пережил Кашина. И он теперь вспоминается мне, как дорогая книга. Невидимая - Божья. Что чувствуют слова таких книг, когда небесный скорописец починает читать их? Когда его глазами мы узнаём освобождённые из сияющего вещества образы жизни, которую каждый когда-то считал только за свою?».

Оформление книги получилось несколько претенциозным, прямолинейным, и, вероятно, взятым из Интернета. Достаточно сказать, что иллюстрирующий оборотную сторону обложки текст, на фоне Ростовского кремля, приведён на английском языке, что для данного образа и для православного по духу сочинения, совершенно неприемлемо. Жаль, что опыт иллюстрирования обложки предыдущей книги Н.В. Смирнова «Повести и рассказы» (Ярославль: Изд. «Канцлер», 2011) в авторском исполнении представляющийся более удачным, в этот раз был не востребован.

Для мышкинской и ярославской культурной поэтической традиции новая книга Н.В. Смирнова, явление безусловно самобытное, обращённое и к прошлому, и к современности через мощные духовно-культурные богатства национального мироощущения, напоминающая о них.

**Карсаков О.Б.**